

ТАМАШ КРАУС

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ СМЕНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ КАК ПЕРЕДЕЛА СОБСТВЕННОСТИ¹

THE BASIC FEATURES OF SYSTEM CHANGE AS THE REDISTRIBUTION OF OWNERSHIP

The collapse of the Soviet Union and the failure of the state socialist system would not have happened without the decisive role played by domestic economic and political crises and the active co-operation of the Soviet state elite. There can no longer be any doubt that the disintegration of the Soviet Union and state socialism was bound up with the unreserved embrace of the global economy by those in power in order to preserve their own positions, maintain their luxury lifestyle, and ensure their control over state property in perpetuity. Fearful for their social position, the Soviet elite, the nomenclature, were open to any solution which would consolidate their status. The most powerful groups in the Soviet Union joined an obvious and open alliance with international centres of power and money. Later experiences of privatisation showed that where there is a shortage of capital privatisation can only take place through raw expropriation. This fraud was most clearly demonstrated by the 'voucher' scheme or 'popular privatisation,' which accorded with the spirit of Shatalin's programme but was at odds with the more cautious IMF programme. The preferred method for privatisation was 'management privatisation,' which involved an alliance of bankers, managers and state functionaries. According to the programme, enterprises should function as a kind of joint stock company "free from state control, with state holding companies following the model of private sector holding companies". As is now well known, due to the lack of capital in the system, the end result was that the rapid 'emancipation' of state property descended into a frenzy of division and acquisition by the elite (which Russian called 'prihvatizatsya'). In essence perestroika came to an end with the private expropriation of state property. The state remains the strict guarantor of property relations defining both the 'state dependency' of the new Russian oligarchic bourgeoisie and the political-institutional conditions for the emergence of a new, class society..

Keywords: system change in the USSR, history of the privatisation, perestroika

Tamás Krausz – DSc in History, Professor Emeritus, Russian Studies Centre, Department of Eastern and Central European History and Historical Russistics, Faculty of Humanities, Eötvös Loránd University. E-mail: centre@russianstudies.hu

¹ *Citation: TAMÁS KRAUSZ, "Osnovnye cherty smeny obshchestvennogo stroia kak peredela sobstvennosti" [The Basic Features of System Change as The Redistribution of Ownership], *RussianStudiesHu* 5, no. 1 (2023): 43-68. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2023.5.2*

ИСТОРИЗМ ПОНЯТИЯ

В начале 1920-х годов представители поколения революции 1917 года во главе с Лениным чувствовали, что их субъективные стремления, социалистические цели встретились с сопротивлением исторических ограничений, железных законов истории.² Практика «социализма в отдельно взятой стране» была чередой вынужденных шагов, вынужденной траекторией развития, которая после сталинского поворота превратилась из нужды в добродетель. Когда в начале 30-х годов в основном сложилась структура экономического развития, принявшая вид новой системы государственного социализма, страна праздновала победу социализма: «сталинская конституция» 1936 года законодательно закрепила осуществление социализма. В 80-х гг. последнее поколение коммунистической правящей элиты, наиболее известными представителями которой были Михаил Горбачов и Борис Ельцин, еще осознавало, что СССР как союз, федерация республик в смертельной борьбе победил нацистскую Германию и стал мировой державой, но оно знало и то, что основные структуры сталинского режима пережили все реформы. Государство как конечный источник общественной собственности и общественного бытия еще казалось неприкосновенным даже в начальный период перестройки. Как это обычно бывает, широкомасштабная инициатива, направленная на реформирование социализма, завершилась не так, как предполагали «конструкторы перестройки», но ведь и *государственный социализм* сложился в СССР не в соответствии с предварительными планами. Никто не предполагал, что советские правящие элиты и руководящие политики без всякого давления извне, руководствуясь своими властными интересами, просто-напросто уничтожат свою прежнюю родину, СССР. В этом смысле показательно, что около 1989 г. ни один из известных советских экспертов не прогнозировал распада Советского Союза. Поначалу многие не придавали рокового значения даже тому, что первой советской республикой, объявившей в июне 1990 г. о своей независимости от СССР, была именно Россия, Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика.³

2 Эта проблематика рассмотрена мной в книге: Тамаш Краус, *Ленин. Социально-политическая реконструкция* (Москва: ИНИОН, 2011). См. еще: М. И. Воейков, *Предопределенность социально-экономической стратегии: Дилемма Ленина* (Москва: ЛЕНАНД, 2015).

3 Интервью Зигмунда Антоновича Станкевича, кандидата исторических наук, доктора юридических наук, заместителя руководителя Информационно-аналитического

Главный процесс совершенно не изменился и тогда, когда в марте 1991 г. большинство участников знаменитого референдума, проведенного без Грузии и балтийских государств, высказались за сохранение СССР. В условиях обостряющегося экономического и политическо-управленческого кризиса столкновения аппаратных интересов уже вырвались за те рамки, которые объединяли общество и советскую федерацию.

Начало этой воистину исторической перемены («change of regime»), которая в советском восточноевропейском блоке проявилась в полной мере уже в 1989 г., было неотрывно связано с запуском перестройки в 1985 г. А завершением смены общественного строя стал ельцинский путч в октябре 1993 г., в ходе которого вооруженным путем был разгромлен легитимный парламент, и исполнительная власть одержала победу над властью законодательной.⁴ Во всяком случае, перемены 1989 г. в Восточной Европе стали еще одним доказательством того, что в этом регионе в соответствии с особенностями его исторического развития «все всегда происходит одновременно». В 1989 г. СССР окончательно отказался от опеки над Восточной Европой и местные правящие элиты, быть может, лишь за исключением восточногерманской и румынской, немедленно поняли зов времени... Объединение Германии в ноябре этого года было более чем символическим событием, ведь оно ясно указывало на то, что речь в конечном итоге шла о геостратегической перестройке мировой системы, о крахе биполярного мирового порядка, и характер этих процессов в значительной степени зависел от социального содержания и качества перемен в Восточной Европе и СССР.

Их «содержание» в то время также транслировалось рядовым гражданам посредством массовой информации в соответствии с интересами руководителей общества. Представители старшего поколения еще хорошо помнят, что в конце 1980-х гг. сначала в малых странах «социалистического лагеря», а потом и в СССР дикторы телевидения практически всегда произносили приподнятым тоном и с затуманенными

центра (аналитической группы) Аппарата Президента СССР (1990-1991). Максим Шалыгин-глава Аналитического центра Президента СССР: «Распад СССР продолжается»). Обо всем этом ныне уже имеется документационная литература. См., например: <http://regnum.ru/news/polit/2035022.html> 2015. 14. dek. Относительно качества советской правящей элиты стоит принять во внимание и сведения такого свидетеля, как Хасбулатов: <https://vz.ru/politics/2020/6/12/1044318.html>

4 Уже в то время мы оценивали эти события в этом контексте. См.: *Ельцинщина. Jelcincsiná* (Будапешт: Венгерский институт русистики, 1993).

гласзами, да даже и не просто произносили, а торжественно выговаривали основные понятия смены общественного строя: *свободный рынок, многопартийная система, свобода*. К тому времени, когда и «простой народ» связал воедино и затвердил эти понятия, критически мыслящие люди уже поняли и то, что выступавшая в качестве *великой цели буржуазная демократия* западного типа является всего лишь химерой, частью телешоу «Большой обман». Плюралистическая, многопартийная система была упрощена до уровня властной техники, с помощью которой удалось убедить население примириться с грандиозным магическим действием *передела собственности*. Было упущено из виду, что в Восточной Европе «буржуазная демократия» в действительности представляет собой лишь своего рода разновидность неподконтрольного обществу элитарного парламентаризма, социальный базис которого был настолько же узким и «таинственным», насколько хрупкой и подверженной сильным манипуляциям была общественная поддержка экономической перестройки.⁵ Поскольку на этой полупериферии мировой системы никогда не существовало «демократической буржуазии», не могла возникнуть и буржуазная демократия.

ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СМЕНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ НА ПОЛУПЕРИФЕРИИ МИРОВОЙ СИСТЕМЫ

Теоретическая концепция *полупериферии*, которая указывает место восточноевропейского региона в мировой системе, не только разоблачает давнюю восточно-европейскую утопию национального и регионального *догоняющего* развития,⁶ но и показывает, что *после краха системы государственного социализма и распада СССР западные страны ядра освободились от политического и экономического конкурента* («мировой социалистической системы»), что оказало вли-

5 С методологической точки зрения пониманию проблемы способствует: JOSNEK HIPPLER, „A demokratizálás mint uralmi forma – A harmadik világ a hidegháború után”, *Eszmélet* 29 (1996. tavasz): 22–50. То, что написано автором о «демократизации» третьего мира в период холодной войны, в основных моментах напоминает все то, что произошло на бывшей социалистической полупериферии в результате экспорта институтов в рамках смены общественного строя.

6 В данном случае я имею в виду не только труды таких разработчиков теории мировой системы, как Валлерстайн и Арриги, но и, например, работы таких историков, как швейцарец Пауль Байрох, или венгры, Пал Жигмонд Пах, Иван Т. Беренд, Дёрдь Ранки и Эмиль Нидерхаузер.

яние на весь процесс глобального накопления капитала и переформирования геополитических зон влияния великих держав, *который продолжается и в наши дни.*⁷ Собственно, уже в работах Ленина можно обнаружить контуры теоретического осмысления системообразующей роли международного разделения труда, империалистической природы и иерархического угнетательного характера мировой системы капитализма. Централизация и концентрация капитала произошла и в глобальных масштабах, и в период Первой мировой войны выявилась одна из новых черт этих процессов – растущая экономическая роль государства. История XX века может быть большей частью представлена и как история растущей экономической роли государства. Когда с первой половины 70-х гг. началась неолиберальная атака капитала, направленная против стесняющей капитал ограничительной экономической (не полицейской!) роли государства, истинной целью этой атаки была ликвидация социальной роли государства, поскольку капитал больше не желал в неизменной форме финансировать «достижения» в области народного благосостояния даже в странах ядра. В этой связи *изменение общественного строя* также глубоко коренилось в тенденциях развития мировой экономической системы того времени и полупериферийных структурах мировой системы, точнее говоря, смена общественного строя как *смена социально-экономических форм* и сама способствовала сохранению «полупериферийного» состояния восточноевропейского региона, поскольку суть дела состояла в подчинении региона глобальной финансовой капиталистической системе, мульти- и супранациональному капиталу, что позже было названо «интеграцией в мировую экономику». В России Александр Зиновьев окрестил эти изменения и их результат «колониальной демократией», указав на иерархический и угнетательный характер новой интеграции. Другими словами, страны ядра по существу беспрепятственно производят и выводят из региона прибыль под «революционным» флагом демократии, свободы и национальной независимости. С 1989 г. политика подчинения несет в себе то же противоречие, на которое в свое время обратил внимание замечательный

7 Все это подтверждается тем, что и «капиталистическая реинтеграция» региона в рамках Евросоюза несет на себе характерные черты существовавших перед Второй мировой войной интеллектуально-политических и социальных структур, старый капитализм смешивается здесь с современными глобальными формами, происходит «смешание» разных исторических эпох в соответствии с логикой «комбинированного развития» (Троцкий).

экономист Петер Рона. Аналитики Международного валютного фонда, стран G20 и крупнейших банков сформулировали два диаметрально противоположных предложения для региона ядра и подчиненных ему регионов. Один из них заключался в том, что богатые страны должны с помощью увеличения бюджетного дефицита и смягчения монетарной политики оживить спрос, в то время как меняющим общественный строй и другим бедным странам необходимо сделать противоположное, сократить государственные расходы, потуже затянуть пояса и сократить потребление, в то время как сама система постоянно стимулирует увеличение потребления и получение все новых кредитов. Та же двойственность наблюдалась в мышлении и деятельности идеологов и одновременно активных участников смены общественного строя, которые толкали вперед телегу смены общественного строя и в то же время постоянно удивлялись и огорчались по поводу ожидаемо следовавших друг за другом катастроф.⁸

Глубокие исторические корни этого можно обнаружить, если разделить восточноевропейский регион на подрегионы. Видно, что в новой и новейшей истории судьба подрегионов всегда зависела от каких-то крупных государственных образований, империй, союзных государств (Австро-Венгерской монархии, Германии, Османской империи, СССР, США-НАТО, Евросоюза, России), а их внутренние социальные, экономические классовые отношения соответствовали положению, существовавшему в этих «империях». В этом изменяющемся пространстве менялись судьбы этих подрегионов, их внутренние социально-экономические отношения и международное положение. Известно, что академик Эмиль Нидерхаузер в итоге своих длительных исторических исследований пришел к мысли о «четырёхчленной» субрегиональной структуре. Определяющие моменты развития были осмыслены в отношении к развитию западных стран центра: в какой степени существовали экономические, политические и классовые предпосылки буржуазного капиталистического развития, сложился ли вообще класс буржуазии, в чем состояла специфика землевладения, какова была роль государства и иностранного капитала и каким было их отношение друг к другу? Предметом особого изучения отличия и сходства рели-

8 В числе таких катастроф упоминалось, например, и то, что смена общественного строя как процесс передела собственности и власти привел к появлению в результате распада СССР и Югославии целого ряда враждующих друг с другом маленьких и слабых государств. См. еще: JÓZSEF BÖRÖCZ, *Hasított fa. A világtrendszer-elmélettől a globális struktúraváltásig* (Budapest: L'Harmattan, 2017).

гиозных и культурных факторов по отношению к развитию Западной Европы.

На основании всего этого можно выделить четыре подрегиона: 1) русско-украинско-белорусская структурная общность, 2) Балканы, 3) Центральная Восточная Европа от Балтики и Польши до Венгрии и Хорватии и, наконец, 4-й подрегион, Чехия и Словения, который по историческим характеристикам развития уже в начале XX века стоял ближе остальных к Западу, и который знаменитый профессор назвал Западной Восточной Европой.⁹ Характерные границы этих четырех подрегионов ясно узнаваемы и по прошествии более 30 лет после смены общественного строя: не удалось «догнать Запад», что, как мы подчеркнули выше, было самым святым обещанием, идеологией, можно сказать, религией смены общественного строя, не утвердились правила и утонченная структура привычной в Западной Европе «буржуазной демократии» и т. д. Дело в том, что страны Запада, интегрирующие в настоящее время Восточную Европу, поделили ее между собой на территории, зоны влияния в соответствии со своими геостратегическими «запросами» и настаивали на принятии своих «ценностей» лишь в той степени, в какой последние поддерживали их геополитические устремления и усиливали «сплоченность Европы». Складывающиеся заново национальные классовые общества постоянно искали поддержки с Запада, причем уже на заре смены общественного строя, больше того, даже еще раньше, что, быть может, наиболее характерным образом проявилось в т. н. долговом кризисе. Контроль над рынками и тоговыми путями претерпел изменение в той мере, в какой обозначились новые контуры господства великих держав над ресурсами в результате уменьшения, а затем полного прекращения влияния СССР. Таким образом, распад биполярной мировой системы сыграл очень важную роль в появлении новых крупных и мелких государств. Казалось, что США по существу остались в одиночестве на «поле боя». Мелкие национальные государства в Центральной и Восточной Европе и на Балканах одновременно «поклонялись» и местным националистическим традициям, и либеральной иллюзии, обещавшей «догнать Запад». В случае СССР основные интересы Запада обозначились лишь постепенно. Поначалу определяющими были бо-

9 Подробнее об этом см.: TAMÁS KRAUSZ, „Niederhauser Emil Kelet-Európa-koncepciójáról (A történész 70. születésnapjára)”, in: *Megélt rendszerváltás* (Budapest: Cégér Kiadó, 1994), 177–202.

язнь последствий падения биполярной мировой системы и придуманные для успокоения руководителей СССР обещания, что НАТО не будет расширяться на восток. Лишь после распада СССР западные державы перешли к выдвигению таких «идей», как развал России по плану Бжезинского и противоречащее всем прежним обещанием расширение НАТО на восток.¹⁰ Между тем одной из субъективных предпосылок смены общественного строя в СССР было именно то, что за десятилетия гонки вооружений идея *европейской ориентации* все сильнее проникала в мышление советской властной элиты и политической бюрократии. Позже, в перестроечной эйфории мысль об «объединении Европы» («европейский дом» Горбачева) внушала советской, а затем российской властной элите (иллюзорные) обещания конкретных возможностей европейской интеграции, на что указывалось еще в работах, опубликованных до распада СССР.¹¹

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СОБСТВЕННОСТЬ КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

Несмотря на то, что государственная собственность в Западной Европе имеет долгую, многовековую историю, в Восточной Европе после 1945 г. она получила такую доминирующую роль, которая уже отличалась от тенденции западноевропейского развития. Под влиянием и как бы в виде «экспорта» общего тренда развития СССР государственная собственность укоренилась во всех четырех подрегионах Восточной Европы в качестве системообразующего фактора, определяющего признака государственного социализма, который повлиял на эволюцию всей социальной структуры в целом. Необходимо отметить, что в конце 80-х гг. неолиберализм как глобально господствующий набор рычагов экономической политики и адекватная система политических институтов господства мультинационального капитала даже с помощью своих властных и экономических методов и структур не смог бы без смены общественного строя добиться приватизации в Восточной Европе в

10 Во множестве публикаций, основанных в том числе и на архивных источниках ЦРУ, рассматривается, что было сказано, и почему Горбачев не добился закрепления данных ему обещаний в письменном соглашении. См., например: https://epa.oszk.hu/01700/01739/00107/pdf/EPA01739_eszmelet_122_077-087.pdf

11 JERRY HOUGH, *Russia and the West. Gorbachev and the politics of reform* (N.Y., Sidney etc.: A Touchstone book by Simon and Schuster Inc., 1990), 232.

отличие, например, от тэтчеристской Англии или любой другой точки традиционной системы капитализма, где приватизация, присвоение, распродажа коренящейся в частной собственности государственной собственности осуществлялись без смены общественного строя. Дело в том, что при государственном социализме государственная собственность по конституции находилась под контролем производительных классов. Однако, как мы знаем, на практике государственная собственность в Восточной Европе была бюрократизирована и вопреки постулатам официальной идеологии никогда не становилась непосредственно общественной собственностью, больше того, все направленные на осуществление этого попытки повсеместно подавлялись. Например, в 1956 г. в Венгрии злой рок настиг рабочие советы, в то время как в 1980-х гг. течение в польской «Солидарности», стремившееся к рабочему самоуправлению, было «окончательно» раздавлено как раз в ходе смены общественного строя силами, «покаявшимся в верности» буржуазной частной собственности,¹² и даже нет нужды говорить здесь об опыте самоуправления в Югославии.¹³ После государственно-социалистического поворота 1948 г. важнейшая отличительная черта государственной собственности состояла в том, что она коренилась не в капиталистической частной собственности, а, наоборот, в ее ликвидации. До 1989 г. в Восточной Европе государственная собственность ни в принципе, ни на практике не могла быть предметом купли-продажи и наследования, хотя бенефициары бюрократического распоряжения ею стояли на верхних ступенях социальной иерархической лестницы, над рабочим классом, который считался господствующим. Для того чтобы государственная собственность могла наследоваться менеджерской бюрократией, а также определенными группами партийного, государственного и военного аппарата, нужно было уничтожить всю систему (смена общественного строя), и приватизация составляла внутреннюю движущую пружину этого процесса.

Таким образом, в ходе смены общественного строя главные политические акторы того времени считали своей «ключевой задачей» именно присвоение государственной собственности. Тем временем партийные руководители и пропагандистские аппараты старались отвлечь от этого внимание общества, принижая значение вопроса о собственности. В Венгрии первый после смены общественного строя

12 Об этом см.: MIKLÓS MITROVITS, „Az öngazgatás bukása. A neoliborális rendszerváltás Lengyelországban”, *Eszmélet* 83. (2009. ősz): 33–53.

13 JÓZSEF JUNÁSZ, „A jugoszláv öngazgatási modell”, *Múltunk*, no. 2-3. (2001): 276–293.

премьер-министр, Йожеф Анталл, даже в 1990 г. не решался произнести слово «капитализм», следуя привычке руководителей реформ-коммунистов. Как мы увидим, не иначе обстояли дела и в СССР. Мы еще хорошо помним «официальные» мнения, согласно которым вопрос собственности является «не таким уж важным», вовсе не главным вопросом, важно лишь то, чтобы «предприятие работало, а рабочие получали хорошую зарплату», в то время как внутри властной элиты самыми «причудливыми» средствами велась борьба не на жизнь, а на смерть за частное присвоение государственной собственности.¹⁴

Первые распоряжения, законы после смены общественного строя как в принципе, так и по конституции сделали невозможным *обобществление* государственной собственности. В Венгрии в 1989 г. по инициативе общественной организации под названием «Ассоциация левая альтернатива» парламент посредством поправки к конституции законодательно закрепил самоуправление трудящихся, однако весной 1990 г., после выборов, возможность производственной формы, базирующейся на общественной собственности, была вычеркнута из конституции в соответствии с капиталистическим духом смены общественного строя. Иначе говоря, поскольку при государственном социализме частное присвоение государственной собственности было неосуществимо, в ходе смены общественного строя ее приватизация понималась исключительно в соответствии с логикой сохранения власти, интересами господствующих властных элит и стремлением последних сохранить свои привилегии и добиться осуществления своих интересов.¹⁵ Не случайно, что соответствующие «экспертные группы» и финансово-политические группировки Запада и особенно США, ссылаясь на «рыночные силы», на позитивные «способности» мультинациональных компаний и негативные «способности» рабочего класса, отвергли все коллективные формы присвоения.¹⁶

14 См. об этом «культовую» статью: JÓZSEF MOCSÁRY, „Hogyan lopjunk gyárat?“, *Eszmélet* 3. (1991).

15 LÁSZLÓ TŰTŐ, „Társadalomfilozófiai alternatívák a magyarországi rendszerátalakításban II.: összebékíthető-e a társadalmi önkormányzás a pártokkal? A háromoldalú kerekasztal egy tanulságáról“, *Eszmélet* 123 (2019): 66–99.

16 Подробнее об этом см.: TAMÁS KRAUSZ, „Perestroika and the redistribution of property in the Soviet Union: political perspectives and historical evidence“, *Contemporary Politics* 13, no. 1 (March 2007): 3–36. См. еще: IVÁN SZELÉNYI, GIL EYAL, ELEANOR TOWNSLEY, „A posztkommunista gazdasági vezetés (menedzserizmus). A gazdasági intézmények átforgalmazása és a társadalom szerkezetében végbemenő változások a posztkommunista átmenet idején“, in *Rendszerváltás és társadalomkritika*, szerk. TAMÁS KRAUSZ (Buda-

В наиболее чистой, почти классической форме органическую сочлененность проблем смены общественного строя и собственности можно увидеть в процессе становления многопартийной системы в Венгрии. Причем в двух аспектах. Во-первых, на этом примере ясно видно, как переплетаются властно-политические и экономическо-собственнические позиции, как складывается фундамент олигархического капитализма. А второй аспект заключается в том, что формирование политических партий отражало приватизационные интересы зарождающейся новой властной элиты. Партия Венгерский демократический форум, победившая на первых «свободных выборах» (в апреле 1990 г.), применяя прежде всего методы «раздачи», защищала приватизационные интересы потомков старого правящего класса режима Хорти. Союз свободных демократов представлял интересы иностранного капитала, настаивая на том, что государственная собственность должна продаваться по рыночной цене покупателям, располагающим крупными капиталами, каковых нет в Венгрии, где до перестройки, при государственном социализме значительное накопление капитала было невозможно. Христианско-демократическая партия играла роль попечителя церковной приватизации. Партия мелких хозяев выступала за реприватизацию соответствующую земельным отношениям 1947 г., и, наконец, Венгерская социалистическая партия репрезентировала приватизационные интересы менеджеров режима Кадара. Националистически настроенные крайние правые придерживались идеологической позиции, согласно которой «собственность должна перейти к венграм», то есть в их собственные руки. Таким образом, смена общественного строя, восстановление капитализма неизбежно вели к «кумовству», приватизации в пользу друзей и родственников, утверждению «мафиозный» связей и связанной со всем этим всепроникающей коррупции. Не случайно, что вследствие связи производства и торговли с международной системой экономики тема коррупции была в скором времени выдвинута на повестку дня в исследовательских программах Международного валютного фонда и Всемирного банка.¹⁷

Передел собственности, радикальная перестройка отношений собственности неизбежно перекроили и прежние границы восточноевро-

pest: Napvilág, 1998), 153–193 и ERZSÉBET SZALAI, *Gazdasági elit és társadalom a magyarországi újkapitalizmusban* (Budapest: Aula Kiadó, 2001).

17 См.: С. П. Глинкина, «Феномен коррупции: теория и российская практика». Рукопись. Подготавливается к печати в журнале *Новая и новейшая история*. (См. еще: *Eszmélet* 85 (2010. tavasz): 116–158.

пейских государств, поскольку этого требовал раздел экономического и властно-политического влияния между местными элитами. В руках местных правящих группировок этническое знамя по существу служило для того, чтобы сократить число конкурентов, выдавить представителей «других этносов» и обозначить границы территории, на которую они намеревались распространить свою власть. В то время как местные властные группировки играли относительно самостоятельную роль в создании новых государств, было бы ошибкой, если бы мы позабыли о том, что в ходе европейской интеграции этих государств страны ядра вынуждали их «конкурировать» друг с другом. В процессе капиталистической конкуренции эти разваливающиеся, маленькие и слабые государства, увлекшись наступившей наконец возможностью свободного «сведения взаимных исторических счетов», загнали самих себя в невыгодное положение. Именно в этом контексте получила смысл геостратегическая ставка, стоявшая на кону в ходе смены общественного строя. Югославская федерация, которая десятилетиями была в глазах Запада страной с образцовым решением национального вопроса, в процессе смены общественного строя стала полем борьбы держав ядра. В 90-х гг. беспокойство руководителям ЕС и НАТО причинила прежде всего сербская властная элита, интерпретировавшая программу смены общественного строя в соответствии с собственными соображениями. С другой стороны, США, НАТО и европейские великие державы воспользовались развалом Югославии и бомбардировками Сербии как средством установления экономического и военного контроля над регионом. В ходе этих крупных перемен местные политические группировки обращались за покровительством к более крупным державам, стараясь при поддержке последних «решить» вопрос новых границ или внутренних конфликтов. В СССР процессы протекали особым образом, «дележ» между местными властными элитами имел более крупные масштабы, западный мир в меньшей степени разбирался в нем и мог влиять на него, вследствие чего более скромной была и его доля в распоряжении ресурсами (приватизации).

ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВА В РОССИИ

Считается общим местом, что *государственная собственность* в российской истории имеет глубокие, вековые корни. В конце XIX – начале XX вв. эта проблематики была осознана и описана с различных позиций Ключевским и Ковалевским, Милюковым и Павловым-Сильван-

ским, Плехановым и Лениным, Масловым и Троцким. Их работы сохраняют свое значение и в наши дни.¹⁸ В современной исторической литературе,¹⁹ посвященной российской истории от Ивана IV и Петра Великого до Сталина, превалирующая роль государственной собственности подчеркивается как фактор, определяющий развитие как промышленности, так и сельского хозяйства. Конечно, эти «характерные особенности» необходимо рассматривать с учетом меняющихся и структурно различных исторических условий, иначе можно придти к схематичным и упрощенным конечным выводам. Однако, если мы все же захотим кратко обрисовать эти характерные черты развития, то никак не сможем избежать повторения нескольких «общих мест».

Прежде всего укажем на то, в Российской империи в течение столетий сущностная роль государства и государственной собственности предопределялась геостратегическими нуждами власти, вытекавшими из необходимости захватывать, удерживать, объединять огромные территории и управлять ими, из конкурентной борьбы с западными державами. Иначе говоря, принудительное присвоение рабочей силы расселившегося на большой территории населения для нужд царской власти требовало концентрации собственности в руках государства. В связи с этим в эпоху Петра Великого утвердилась новая, но все же досовременная историческая форма общины. Общинная традиция пробудила и фантазию Маркса, размышлявшего о будущей роли коллективной собственности. Длительное сохранение общины было связано и с тем обстоятельством, что в «современной мировой системе» Россия занимала полупериферийное место относительно стран ядра, что отводило российской аграрной сфере особую роль «поставщика зерна и сырья» в европейском разделении труда.

18 Четверть века назад мы сделали попытку историографического осмысления взглядов этих авторов, но не предполагали, что эта проблематика и много лет спустя предстанет перед новыми поколениями в качестве крайне актуального исторического опыта. В аспекте смены политических, больше того, социальных форм она стала актуальной и спустя столетие. (См.: TAMÁS KRAUSZ, *Pártviták és történettudomány* (Budapest: Akadémiai Kiadó, 1989). См. еще несколько моих статей в сборнике: TAMÁS KRAUSZ, *Lenintől Putyinig* (Budapest: La Ventana Kiadó, 2003). Еще сорок лет назад мы с Дюлой Сваком опубликовали несколько текстов указанных выше авторов в венгерском переводе. См.: TAMÁS KRAUSZ, GYULA SZVÁK (szerk.), *Az orosz történelem egyetemessége és különössége* (Budapest: ELTE ÁJTK, 1982).

19 Много лет назад важную попытку научной разработки проблемы собственности сделали российские ученые в сборнике, посвященном 80-летию со дня рождения академика Виноградова: В. В. АЛЕКСЕЕВ (ред.), *Собственность в XX столетии* (Москва: РОССПЕН, 2001).

Первоначальное накопление капитала не продвигалось в России и после 1861 г., в ходе становления современного капиталистического общества. В основном слабым оставался и класс капиталистов, сохранялось характерное подчинение российской буржуазии царизму, автократическому государству, по-прежнему отсутствовал общероссийский национальный рынок, что повышало важность производственно-экономической функции государства, его роли своего рода «заменителя». Как известно, в советский период в результате сталинского поворота государственная собственность получила не просто исключительную позицию, но считалась как бы «коренной», автохтонной. Однако уже Троцкий заметил, что государственная собственность может быть радикально и за короткое время снова превращена в собственность частную в случае контрреволюционного переворота. Если эта «каста», писал он в 1936 г., почувствует, что ее привилегии в опасности, она не остановится перед трансформацией государственной собственности, в принципе принадлежащей трудящимся классам, в наследственную частную собственность путем частного присвоения.²⁰ Эта беспримерная историческая трансформация осуществилась с большой быстротой, и дорогу ей открыла именно перестройка.²¹

ПЕРЕСТРОЙКА: РАЗРУШЕНИЕ СССР ПУТЕМ ПРИВАТИЗАЦИИ

«Передел собственности», приватизация государственной собственности не появились из ничего, они не проистекали даже из событий в Восточной Европе, хотя было бы глупо отрицать значение последних. Исторические корни приватизации тянутся вплоть до эпохи НЭП-а

20 LEV TROCKIJ, *Az elárult forradalom* (Budapest: Áramlat Könyvkiadó, 1990), 183-184. Анализ этого мнения см.: TAMÁS KRAUSZ, *Szovjet Thermidor. A sztálini fordulat szellemi előzményei 1917-1928* (Budapest: Napvilág Kiadó, 1996), 227-229. (В русском переводе книга издана Центром русистики Будапештского университета).

21 1 января 2000 г. в собственности российского государства оставалось лишь 4,8% всех заводов и предприятий, хотя в сельском хозяйстве такая радикальная перемена, конечно, не могла произойти из-за живучести многообразных коллективистских традиций крестьянского общества. С. Н. Лапина, Н. Д. Лелюхина, «Государственная собственность России: некоторые исторические уроки», в. В. В. Алексеев (ред.), *Собственность в XX столетии*, 216-223; И. Е. Кознова, «Крестьянские представления о земельной собственности: история и современность», в. В. В. Алексеев (ред.), *Собственность в XX столетии*, 667-685.

(1921–27).²² Эта традиция оживала для советской политической элиты во все периоды реформ, не случайно, что множество историков написали книги об этом историческом опыте.²³ В КПСС в первые три года перестройки сложилось два основных направления, представители которых в своей аргументации определили свое отношение к альтернативам прошлого. Лагерь, названный консервативным (и поначалу правым), который исходил из идеи сохранения государственного социализма, вступил в резкий конфликт с т. н. демократами (и критиковавшими старый режим радикальными марксистами), которых называли левыми, так как поначалу они опирались на антибюрократические взгляды Ленина, касающиеся советской демократии, а к 1989 г. обратились к капитализму. Представители другого оппозиционного течения, как я уже упоминал выше, ратовали за радикальные реформы под знаменем демократического, самоуправленческого социализма²⁴ и постепенно отошли от реформаторов, «застрявших» на рыночных реформах и намеревавшихся следовать западным образцам. Однако с годами в обоих лагерях произошли существенные изменения. «Консервативный» лагерь постепенно двинулся в сторону националистической, этатистской реставрации, в то время как демократы перешли «слева» на либерально-«буржуазную», можно сказать, правую позицию, обратились к политике реставрации капиталистических отношений, которая включала в себя введение многопартийности и «плюрализма собственности» (то есть, надо понимать, господства частной собственности). Исторические инспирации служили отправной точкой всей программы социалистической демократизации. В июне 1988 г. Горбачев предложил объединить должности секретаря партии и председателя совета для осуществления над надпартийного аппарата. Под знаком демократии после семидесятилетнего перерыва снова был выдвинут лозунг «вся власть советам»; в результате «воскрешения»

22 Об этом см. 8-ю главу книги: TAMÁS KRAUSZ, *Lenin. Társadalomelméleti rekonstrukció* (Budapest: Napvilág Kiadó, 2008).

23 См., например: Е. Г. Гимпельсон, *Новая экономическая политика Ленина-Сталина. Проблемы и уроки (20-е годы XX в.)* (Москва: Собрание, 2004) и В. З. Роговин, *Сталинский неонэп* (Москва: б. и., 1994).

24 Изначально интеллектуальный ээксграунд перестройки отчасти представлял собой сборник *Иного не дано*, в котором главные идеологи, ученые перестройки обрисовали настоящие и будущие альтернативы. Указанная здесь концепция была наиболее полно изложена в работе: В. КИСЕЛЕВ, «Сколько моделей социализма было в СССР?», в *Иного не дано. Перестройка, гласность, демократия, социализм*, ред. Ю. Н. АФАНАСЬЕВ (Москва: Прогресс, 1988), 354–369.

революционного прошлого выяснилось, что однопартийный корабль с около 19 миллионами пассажиров получил пробоину. Процитированная выше книга Троцкого *Преданная революция: Что такое СССР и куда он идет* снова казалась актуальной.

Большинство советских руководителей лишь во второй половине 80-х гг. поняли, что *экономической мощности режима не достаточно ни для поддержания внешнеполитических позиций СССР, ни для неизменного сохранения структур обеспечения народного благосостояния*. Однако само по себе расширение демократии (гласность) при ухудшении материальных условий не воодушевляло большинство советского населения, заметно выросла дискрепанция между реальностью и обещанным коммунистами благосостоянием. Усиливалось влияние все более интенсивной популистской пропаганды «демократов» относительно рыночных реформ, за которой стоял тезис об успехах Запада и возможности повторить их. Наиболее бурные дискуссии связаны с предысторией XVIII съезда КПСС. Созванный для подготовки летнего партийного съезда и формулировки платформы ЦК пленум заседал 5–7 февраля 1990 г. На основании документов пленума однозначно выяснилось, что сторонники поддержанной ЦК КПСС платформы (*Гуманный и демократический социализм*), принятой после долгих дискуссий (после более 100 выступлений), выразили свою точку зрения на перспективы дальнейшего развития, но не сумели ни в теоретическом, ни в практическом плане определить, в каком направлении идет развитие СССР: в стороны обновления *социализма* или реставрации капиталистического строя.

Интересно, что проблема социализма как системы была поднята на пленуме ЦК лишь в выступлении «главного реформатора», С. С. Шаталина, автора «программы перехода к рыночной экономике», да и то только в эмоциональном и «текстологическом» аспекте. Г. Разумовский зачитал следующий отрывок из черновика подготавливаемого документа, касавшийся проблемы собственности: Коммунистическая Партия Советского Союза считает, что современному этапу экономического развития страны не противоречит и наличие индивидуальной трудовой и групповой собственности, в том числе и на средства производства. Использование любой формы собственности должно исключать эксплуатацию человека человеком.²⁵ На касавшиеся этого отрыв-

25 «Стенограммы Пленума ЦК КПСС. 5-7 февраля 1990 года», *Известия ЦК КПСС*, по 3 (1990): 46.

ка замечания Горбачев ответил, что понятие частной собственности исключено, потому что «многие товарищи из рабочих коллективов, секретари партийных комитетов, которые работают там, поднимали вопрос о том, что в народе, в массах это вызвало бы негативное отношение». Со свойственной ему легендарной наивностью и некомпетентностью в экономических вопросах Горбачев воспринимал данную проблему в идеологическом аспекте программы, подготавливавшей капитализм, подчеркнув, что в этой формулировке «отражается позиция партии: мы против эксплуатации труда», и напрасно объяснял лично ему Шаталин в связи с коллективной и иной собственностью, что целью является именно укоренение капиталистической частной собственности.²⁶ Дальнейшие сведения об этом процессе предоставляют материалы переговоров Горбачева с венгерскими руководителями. В начале июля 1988 г., Горбачев, считавший процессы, развернувшиеся в Венгрии, чуть ли не образцовыми, провел переговоры с прибывшей в Москву венгерской партийной делегацией во главе с Кароем Гросом. И тогда, и позже Горбачев утверждал, что целью перестройки является «укрепление социализма», больше того, видел родство между российскими и венгерскими событиями именно в том, что реформы в обеих странах несут в себе *социалистические* тенденции.²⁷

О том, насколько Горбачев не понимал реального положения вещей, можно получить ясное представление и по результату визита в Москву премьер-министра Миклоша Немета. В ходе личной беседы с ним советский генсек неоднократно подчеркнул: «Самая важная для нас задача – поставить в центр интересы человека, то есть обновить социализм». Эти тогда еще секретные документы также показывают, насколько Горбачев не понимал тенденций перемен в Венгрии. А между тем, рассказав советскому генсеку о принятом в Венгрии 5 октября 1988 г. «законе об экономических объединениях», т. е. практически о законе о приватизации, Миклош Немец объяснил, в частном секторе компании «смогут теперь нанимать не более 500 работников, но такого пока еще нет». Удивившись, Горбачев спросил: «А такой наниматель частный собственник?». И получил от Немета достаточно ясный ответ, хотя, говоря о собственности трудящихся, венгерский премьер-ми-

26 «Стенограммы Пленума ЦК КПСС. 5-7 февраля 1990 года», 48.

27 „Jelentés az MSZMP Politikai Bizottságának Grósz Károly 1988. július 4-5-i moszkvai látogatásáról”, in *Gorbacsov tárgyalásai magyar vezetőkkel. Dokumentumok az egykori SZKP és MSZMP archívumaiból 1985–1991*, szerk. MAGDOLNA BARÁTH, JÁNOS RAINER M. (Budapest: 1956-os Intézet, 2000), 149., 153.

нистр выдвинул на передний план «демократические возможности» для накопления капитала. В свою очередь, Горбачев назвал сдачу в аренду колхозных и совхозных земель «кооперативом кооперативов», совершенно упустив из виду характерные экономические и социальные проблемы и последствия накопления капитала.²⁸ В то время в Советском Союзе все маленькие частные предприятия, действующие на основе арендных соглашений, называли «кооперативными». 24-25 июля Горбачева посетили в Москве Режё Нерш и Карой Грос. Хотя Нерш назвал реформу собственности «главной нитью» всей программы реформ и подчеркнул стремление Венгрии «демократизировать общественную собственность», он в то же время объяснил Горбачёву: «Мы думаем о системе, которая использовала бы имеющийся капитал более эффективно. Мы планируем усилить роль частного капитала и привлечь иностранный капитал».

На намеченном на март 1990 г. II Съезде народных депутатов Горбачев собирался посредством принятия закона о хозрасчете и самоуправлении решить вопрос, имевший важнейшее значение с точки зрения реформы собственности,²⁹ однако к тому времени решающим вопросом было уже сохранение самого советского государственного строя, поскольку в июне по инициативе Ельцина и его команды была провозглашена независимость России, что уже предвещало гибель СССР. В конце декабря 1990 г. Ельцин под флагом независимой России, можно сказать, сдал в архив советские законы, то есть российский президент отобрал у советского президента Горбачева Россию, и Горбачев не сумел изменить положение даже после народного референдума 1991 г., что показывает ограниченность его политических способностей. Между тем, как показывают два документа, ЦК КПСС и секретариат ЦК подняли тревогу. Драматические нотки прозвучали на состоявшемся в начале 1991 г. на совещании, которое в партийных кругах получило известность как «совещание министров», и о котором Бакланов, Власов и Шенин информировали генсека партии, членов Политбюро и секретарей ЦК. Их сообщение,³⁰ датированное 5 января 1991 г., информировало о том, что на совещании при участии министров промышленности, строительства, транспорта и обороны было под-

28 “Jegyzőkönyv Mihail Gorbacsov és Németh Miklós 1989. március 3-i moszkvai találkozájáról”, in *Gorbacsov tárgyalásai*, 160–161.

29 *Gorbacsov tárgyalásai*, 191–193.

30 RGANI F. 89. op. 33. d. 1. 1-4. *О совещании министров.*

черкнуто, что во многих отраслях промышленности сложилась «чрезвычайная» ситуация, требующая принятия решительных мер. Между строк содержалось недвусмысленное предупреждение Горбачёву, что без концентрации власти распад Советского Союза будет неизбежен. Создается впечатление, что речь идет о первом задокументированном обосновании августовского путча 1991 г. Несколько недель спустя в документе, датированном 19 февраля 1991 г. и представленном партийному руководству членом политбюро Лучинским, советником Горбачева по вопросам безопасности и секретарем ЦК Баклановым, а также А. Власовым, историческая проблема была обрисована еще яснее и полнее. Едва ли не в этом документе, носившем название «О социально-экономических последствиях законодательной деятельности по вопросам собственности и приватизации в РСФСР»,³¹ в отношении ельцинского закона впервые утверждалось, что речь идет о самом существовании социального строя, а это, в свою очередь, ставит под вопрос существования СССР как государства. По существу Лучинский и Бакланов утверждали, что или советские, или российские законы являются нелегитимными: «Верховный Совет РСФСР принял и ввёл в действие с 1 января 1991 года закон „О собственности в РСФСР“, который направлен на существенное изменение социально-экономической основы общественного строя в РСФСР, ущемляет и игнорирует интересы Союза ССР. Постановлением Верховного Совета республики на территории РСФСР были отменены закон СССР „О собственности в СССР“ и закон СССР „О предприятиях в СССР“. Законодательством РСФСР однозначно введена частная собственность. Сфера её действия не ограничивается ни размерами, ни отраслями. Признаётся право частной собственности на землю, капитал и средства производства, могут создаваться частные предприятия любых размеров и с широким диапазоном деятельности. Предприниматель получает право привлекать любое количество наёмных работников. Неизбежно глубокое классовое расслоение общества, появление наёмного рабочего класса. В Законе „О собственности в РСФСР“ не фиксируется право коллективной собственности трудящихся, а в Законе „О предприятиях в РСФСР“ нет статуса коллективного, народного предприятия. Учиты-

31 RGANI F. 89. op. 4. d. 20. l. 2-9. Авторы и первоначальное заглавие документа с грифом «секретно»: П. Лучинский, О. Бакланов, А. Власов, *О социально-экономических последствиях законодательной деятельности по вопросам собственности и приватизации в РСФСР*. Этот документ, скрепленный подписью В.Ивашко, был направлен центральным комитетам республиканских коммунистических партий.

вая, что соответствующие союзные законы Верховным Советом РСФСР на её территории отменены, следует сделать вывод, что коллективная собственность трудящихся, коллективные народные предприятия законодательством РСФСР не признаются. Разгосударствление, приватизация и формирование новых предприятий законодательство вписываются в русло капиталистической собственности и буржуазного бизнеса. Никакого равноправия форм собственности не наблюдается. (...) Таким образом, новое российское законодательство направлено на решение двух главных задач: во-первых, на овладение всем производственным потенциалом, находящимся на территории республики, изъятие его из ведения Союза ССР; во-вторых, осуществление необратимого поворота в общественных отношениях посредством неограниченного развития частнокапиталистической собственности».³²

Поскольку по решению Совета Министров РСФСР от 22 января собственность на все промышленные предприятия на российской территории была передана в республиканскую собственность, у Советского Союза (а также и у КПСС, согласно указу от 24 декабря 1990 г. о вступлении в силу закона «О собственности в РСФСР») больше не было экономической базы. Хотя в документе говорилось о том, что упомянутые законы «затрагивают интересы десятков миллионов людей, тысяч трудовых коллективов, существенным образом влияют на дальнейший ход перестройки, судьбу страны», Горбачёв возлагал все надежды на мартовский референдум 1991 г., призванный решить дальнейшую судьбу Советского Союза, однако уже не было политических и социальных движущих сил, стремившихся к сохранению СССР.

Достойным осмысления оказалось и другое содержавшееся в документе утверждение, согласно которому «действительная и неделимая собственность Союза ССР, созданная трудом многих поколений, отчуждается диктаторскими методами и разбрасывается по государственным и региональным границам, что означает появление основы для противоречий и конфликтов из-за собственности, в том числе между национальностями, по всей стране». Несмотря на архаический язык документа, в нем чётко обрисованы главные интересы и заинтересованные стороны, что поставило Горбачёва перед проблемой: на чью сторону встать? Он не смог решить этой дилеммы, поэтому и потерял власть. Его больше не поддерживали ни его сторонники, многие из которых позже стали путчистами, ни ельцинисты, то есть ни груп-

32 Лучинский, Бакланов, Власов, *О социально-экономических последствиях.*

пировки, заинтересованные в сохранении социалистического строя, ни группировки, заинтересованные в новом капитализме. Те, кто искал *третий путь* между государственным социализмом и капитализмом, уже давно не верили Горбачеву. Основные тезисы *демократического социализма* (многопартийная система, рабочая демократия, плюральная структура собственности, общественная самоорганизация, рыночные стимулы) в действительности оказались взаимоисключающими, пустыми идеологическими постулатами. *Многосекторная смешанная экономика с социалистической направленностью* как предпосылка продвижения вперед, как *третий путь* даже не была поставлена на повестку дня практической политики.

«ГУМАНИЗАЦИЯ» ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ СТЕРЖЕНЬ СМЕНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ

Первой конкретной программой введения рыночной экономики стал так называемый «план Шаталина» (май 1990 г.), в котором намечалось внедрение *рыночной экономики* в Советском Союзе за 500 дней, иными словами, на осуществление этого экономического поворота, на переход «от тоталитарной общественно-политической системы к рыночной экономике» не отводилось даже половины времени, затраченного на коллективизацию в СССР при Сталине.³³ Программа связывалась с именем Шаталина, одного из экономических «чудо-докторов» той эпохи. В то время практически во всех восточноевропейских странах появились такие, получившие подготовку в США или где-то на Западе, всесильные «чудо-доктора». При свежем прочтении упомянутый документ представляется невероятной смесью популистской демагогии и политической программы, построенной на дихотомном противопоставлении государства и рынка: именем народа государство должно было осуществить *коренные перемены*, направленные против него са-

33 См.: *Переход к рынку. Концепция и программа* (Москва: Детская книга, 1990). На спешку с изданием этой программы указывает то, что оно было осуществлено издательством Детская книга, причем набор начался 9 апреля, а печатание – 9 мая. В рабочую группу, составившую программу, входили С. Шаталин, Н. Петраков, Г. Явлинский, С. Алексашенко, А. Вавилов, Л. Григорьев, М. Задорнов, В. Мащиц, А. Михайлов, Б. Федоров, Е. Ясин. Эта группа использовала работы многих известных или ставших с тех пор известными исследователей, авторов, в том числе, например, Н. Шмелева, В. Мусатова, Е. Гайдара, Т. Заславской, А. Аганбегяна и многих других.

мого. В «преамбуле» авторы программы обращались «непосредственно к народу», минуя государство, и прямо в начале утверждали, что данная реформа отличается от всех своих предшественниц. «...Главное отличие состоит в том, что по своим принципам она строится на новой экономической доктрине. Переход к рынку – прежде всего задача государства, а не простых людей... Программа выдвигает задачу всё возможное отобрать у государства и отдать людям (курсив мой. – К. Т.). Концепция основана на том, что если большая часть имущества и источников при соответствующих условиях вернётся к людям, то это приведёт к значительно лучшим экономическим результатам и сделает возможным искоренение многих негативных явлений в процессе перехода к рынку». Другими словами, «народу», «людям» не следует пытаться создавать советы на рабочих местах, на предприятиях и брать в свои руки контроль над производством и собственностью... Позже они все получат от государства... Но что именно они получают?

Во введении к программе приватизации, получившем заголовок *Концепция и программа*, приватизация представлена так, что государственная собственность должна быть передана «людям», «народу». С небольшим преувеличением можно сказать, что введение капиталистической частнособственнической системы описаны таким тоном и настолько хитрым языком, как будто речь действительно идет о введении общественного самоуправления: «Право на собственность осуществляется через разгосударствление и приватизацию, когда государственное имущество переходит в руки граждан. Именно в этом, в обретении народом собственности проявляется в первую очередь социальная направленность экономики. Это не есть акт реванша, а восстановление социальной справедливости, укрепление прав человека на получение доли из национального богатства страны».³⁴ И вот мы уже подошли к центральному пункту «политического обмана».

После августа 1991 г., после падения прежнего собственника (советского государства), место государства заняли сами менеджеры, то есть управление и собственность снова, хотя и иначе, оказались в одних и тех же руках, как и повсюду в Восточной Европе. Сложилась основная предпосылка олигархического капитализма – срастание экономической и политической власти после приватизации государственной собственности. Если раньше менеджеры работали на свой карман нелегально, то теперь они по существу могли делать это ле-

34 Переход к рынку. см. там же

гально. «Взбунтовавшийся вождь» либералов Явлинский назвал этот режим «мафиозным капитализмом», возникновение которого якобы не было предусмотрено либеральными реформами. Явлинский и либералы имели в виду «настоящих» собственников, которые приватизируют не ради собственной выгоды, а покупают акции на рынке (видимо, речь могла идти об отечественных «инвестиционных организациях и иностранном капитале или банках, у кого же еще мог быть капитал?). В действительности же директора предприятий вместе с региональными государственными органами заполучили большинство акций, в результате чего *денационализированные* предприятия не превратились ни в государственные, ни в классические частные компании. В свою очередь «новое государство» даже не пыталось расширить свой контроль, больше того, «новая» гарнитура чиновников была непригодна для осуществления контроля из-за своей неподготовленности, необразованности и коррумпированности, а что касается неславянских республик, то там ситуация, быть может, даже ухудшилась. Позже, в начале 90-х гг., т. н. шоковая терапия стала для директоров предприятий настоящей манной небесной, именно они оказались наиболее последовательными сторонниками и бенефициарами дерегуляции. Они были истинными проводниками смены общественного строя вместе с теми новыми собственниками, которые могут считаться «вспомогательным отрядом» «номенклатурной буржуазии».

В то же время представители либерального и неолиберального подхода в не без оснований опасались всех форм собственности трудящихся в России даже на фундаменте капитализма. Международный валютный фонд и консультативные организации, поддерживаемые великими державами, настойчиво предостерегали советских, а позже российских руководителей лишь от одной вещи – от собственности трудящихся, из которой могут развиться ростки нового социализма. Они по праву могли спросить: для чего же была осуществлена смена общественного строя?

Таким образом, с частным присвоением государственной собственности история перестройки по существу окончилась. Однако вместо нового «демократического капитализма» возник скорее «дикий российский капитализм», напоминающий ситуацию начала XX в.,³⁵ сим-

35 Об этом явлении см. нашу статью: TAMÁS KRAUSZ, „Putyin és az orosz kapitalizmus. Utószó a jelszínizmus kérdéséhez”, in TAMÁS KRAUSZ, *Lenintől Putyinig*, 129–138. В. ИНОЗЕМЦЕВ, «Печальные итоги приватизации», *Ведомости* (24 января 2011 г.), https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2011/01/24/privatizaciya_porossijski

волические политические рамки которому дали «опереточный путч» в августе 1991 г. и 18 брюмера, а по современному летоисчислению – 4 октября 1993 г. Бориса Ельцина. Первый довершил падение первой системы государственного социализма, а второе событие – победу рыночной экономики и президентской власти в России. Путч был экспериментом части властной элиты, не желавшей отказаться от старого режима, а «18 брюмера» уже финансировал «международный капитал» (МВФ), выступивший против властных группировок, оттесненных от «дележа» собственности.³⁶ Таким образом, государство осталось строгим охранителем новых отношений собственности, одновременно демонстрируя зависимость новой российской буржуазии от государства и характерные политические, властные черты складывания нового классового общества.

References

JÓZSEF BÖRÖCZ, *Hasított fa. A vilárendszer-elmélettől a globális struktúraváltásig* [From World-Systems Theory to Global Structural Transformations] (Budapest: L'Harmattan, 2017).

Eks-glava Analiticheskogo tsentra Prezidenta SSSR: "Raspad SSSR prodolzhaetsia" [The Ex-Head of the Analytical Centre of the President of the USSR: "The Collapse of the USSR Continues"] <http://regnum.ru/news/polit/2035022.html> (Accessed September 10, 2022).

El'tsinshchina. Jelsinshchina [Yeltsinism] (Budapest: Vengerskii institut rusistiki, 1993).

E. G. GIMPEL'SON, *Novaia ekonomicheskaja politika Lenina-Stalina. Problemy i uroki (20-e gody XX v.)* [The New Economic Policy of Lenin-Stalin. Problems and Lessons (1920s)] (Moskva: Sobranie, 2004).

S. P. GLINKINA, "Fenomen korruptsii: teoriia i rossiiskaia praktika" [The Phenomenon of Corruption: Theory and Practice in Russia]. Rukopis'.

JOCHEN HIPPLER, „A demokratizálás mint uralmi forma – A harmadik világ a hidegháború után” [Democratization as a Form of Government - The Third World After the Cold War], *Eszmélet* 29 (1996. tavasz): 22–50.

JERRY HOUGH, *Russia and the West. Gorbachev and the Politics of Reform* (N.Y., Sidney etc.: A Touchstone book by Simon and Schuster Inc., 1990), 232.

V. INOZEMTSEV, "Pechal'nye itogi privatizatsii" [The Sad Results of Privatization], *Vedomosti* (24 Ianvaria 2011 g.), https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2011/01/24/privatizaciya_porossijski (Accessed August 8, 2022).

„Jegyzőkönyv Mihail Gorbacsov és Németh Miklós 1989. március 3-i moszkvai találkozásáról” [Minutes of a Meeting Between Mikhail Gorbachev and Miklós Németh on March

36 См. об этом: J. W. MOSES, „Borisz Jelcin brumaire tizennyolcadikája”, *Eszmélet* 29 (1996. tavasz): 165-182.

3, 1989 in Moscow], in *Gorbacsov tárgyalásai magyar vezetőkkel. Dokumentumok az egykori SZKP és MSZMP archívumaiból 1985-1991*, szerk. MAGDOLNA BARÁTH, JÁNOS RAINER M. (Budapest: 1956-os Intézet, 2000), 160–161.

„Jelentés az MSZMP Politikai Bizottságának Grósz Károly 1988. július 4–5-i moszkvai látogatásáról [Report of the Political Committee of the HSWP on Károly Grósz's visit to Moscow on July 4-5, 1988]”, in *Gorbacsov tárgyalásai magyar vezetőkkel. Dokumentumok az egykori SZKP és MSZMP archívumaiból 1985-1991*, szerk. MAGDOLNA BARÁTH, JÁNOS RAINER M. (Budapest: 1956-os Intézet, 2000), 149., 153.

JÓZSEF JUHÁSZ, „A jugoszláv öngazgatási modell” [The Yugoslav Model of Self-Government], *Múltunk*, no. 2-3. (2001): 276–293.

RUSLAN KHASBULATOV, *Predtechei raspada SSSR stal Iurii Andropov* [Ruslan Khasbulatov: Yuri Andropov Became the Forerunner of the Collapse of the USSR] <https://vz.ru/politics/2020/6/12/1044318.html> (Accessed August 31, 2022).

V. KISELEV, „Skol'ko modelei sotsializma bylo v SSSR?” [How Many Models of Socialism Were There in the USSR?], in *Inogo ne dano. Perestroika, glasnost', demokratiia, sotsializma*, red. Iu. N. AFANAS'EV (Moskva: Progress, 1988), 354–369.

I. E. KOZNOVA, „Krest'ianskie predstavleniia o zemel'noi sobstvennosti: istoriia i sovremenost'” [Peasant Ideas About Land Ownership: History and Modernity], in V. V. ALEKSEEV (red.), *Sobstvennost' v XX stoletii* (Moskva: ROSSPEN, 2001), 667–685.

TAMÁS KRAUSZ, „Niederhauser Emil Kelet-Európa-koncepciójáról (A történész 70. születésnapjára)” [On Emil Niederhauser's Concept of Eastern Europe (On the Occasion of the Historian's 70th Birthday)], in: *Megélt rendszerváltás* (Budapest: Cégér Kiadó, 1994), 177–202.

TAMÁS KRAUSZ, *Pártviták és történettudomány* [Party Debates and Historiography] (Budapest: Akadémiai Kiadó, 1989).

TAMÁS KRAUSZ, „Putyin és az orosz kapitalizmus. Utószó a jelcinizmus kérdéséhez” [Putin and Russian Capitalism: An Afterword to the Question of Yeltsinism], in TAMÁS KRAUSZ, *Lenintől Putyinig* (Budapest: La Ventana Kiadó, 2003), 129–138.

TAMÁS KRAUSZ, *Szovjet Thermidor. A sztálini fordulat szellemi előzményei 1917–1928* [Soviet Thermidor: The Intellectual Antecedents of the Stalinist Revolution 1917–1928] (Budapest: Napvilág Kiadó, 1996), 227–229.

TAMÁS KRAUSZ, GYULA SZVÁK (szerk.), *Az orosz történelem egyetemessége és különösége* [The Universality and Particularity of Russian History] (Budapest: ELTE ÁJTK, 1982).

TAMÁS KRAUSZ, *Lenin. Sotsial'no-politicheskaia rekonstruktsiia* [Lenin: Sociopolitical Reconstruction] (Moskva: INION, 2011).

TAMÁS KRAUSZ, „Perestroika and the redistribution of property in the Soviet Union: political perspectives and historical evidence”, *Contemporary Politics* 13, no. 1 (March 2007): 3–36.

S. N. LAPINA, N. D. LELIUKHINA, „Gosudarstvennaia sobstvennost' Rossii: nekotorye istoricheskie uroki” [State Property in Russia: Some Historical Lessons], in V. V. ALEKSEEV (red.), *Sobstvennost' v XX stoletii* (Moskva: ROSSPEN, 2001), 216–223.

MIKLÓS MITROVITS, „Az öngazgatás bukása. A neoliberális rendszerváltás Lengyelországban” [The Fall of Self-Government: The Neoliberal Regime Change in Poland], *Eszmélet* 83. (2009. ősz): 33–53.

JÓZSEF MOCSÁRY, „Hogyan lopjunk gyárat?” [How to Set About Stealing a Factory], *Eszmélet* 3. (1991).

Perekhod k rynku. Kontseptsii i programma [Transition to the Market: Concept and Program] (Moskva: Detskaia kniga, 1990).

V. Z. ROGOVIN, *Stalinskii neonep* [Stalinist NeoNEP] (Moskva: b. i., 1994).

Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii (RGANI) [Russian State Archive of Contemporary History]

— F. 89. op. 4. d. 20., 2-9.

— F. 89. op. 33. d. 1., 1-4.

“Stenogrammy Plenuma TSK KPSS. 5-7 fevralia 1990 goda” [Transcripts of the Plenary Session of the Central Committee of the CPSU: February 5-7, 1990], *Izvestiia TSK KPSS*, no. 3 (1990): 46, 48.

SVETLANA SAVRANSKAIA, TOM BLANTON, „A NATO kibővítése: amit Gorbacsov hallott” [NATO Expansion: What Gorbachev Heard], *Eszmélet* 122 (2019. nyár): 77-87. https://epa.oszk.hu/01700/01739/00107/pdf/EPA01739_eszmelet_122_077-087.pdf (Accessed September 9, 2022).

ERZSÉBET SZALAI, *Gazdasági elit és társadalom a magyarországi újkapitalizmusban* [Economic Elite and Society in the New Capitalism in Hungary] (Budapest: Aula Kiadó, 2001).

IVÁN SZELÉNYI, GIL EYAL, ELEANOR TOWNSLEY, „A posztkommunista gazdasági vezetés (menedzserizmus) A gazdasági intézmények átformálása és a társadalom szerkezetében végbemenő változások a posztkommunista átmenet idején” [Post-Communist Economic Management (Managerialism): The Transformation of Economic Institutions and Changes in the Structure of Society During the Post-Communist Transition], in *Rendszerváltás és társadalomkritika*, szerk. TAMÁS KRAUSZ (Budapest: Napvilág, 1998), 153–193.

LEV TROCKIJ, *Az elárult forradalom* [The Betrayed Revolution] (Budapest: Áramlat Könyvkiadó, 1990), 183-184.

LÁSZLÓ TÜTŐ, „Társadalomfilozófiai alternatívák a magyarországi rendszerátalakításban II.: összebékíthető-e a társadalmi önkormányzás a pártokkal? A háromoldalú kerekasztal egy tanulságáról” [Socio-Philosophical Alternatives in the Hungarian System Transformation II.: Can Social Self-Governance Be Reconciled With Parties? A Lesson From the Tripartite Round Table], *Eszmélet* 123 (2019): 66-99.

M. I. VOEIKOV, *Predopredelennost' sotsial'no-ekonomicheskoi strategii: Dilemma Lenina* [The Predetermination of Socioeconomic Strategy: Lenin's Dilemma] (Moskva: LENAND, 2015).